

Историческая культурология

Пустовойт Ю.В.

От страха Божия до боязни: семантический диапазон «страха» в памятниках древнерусской письменности

Аннотация. Данная статья посвящена анализу двух полярных проявлений страха в контексте древнерусской литературы.

Ключевые слова: страх, страх Божий, боязнь, древнерусская письменность, патристика.

В. фон Гумбольдт, развивший учение о «внутренней форме» языка как выражении индивидуального мирозерцания народа, выразил суть своей концепции в словах: «Язык есть дух народа, и дух народа есть его язык» [1, 68]. Традиционно язык воспринимается как инструмент накопления и упорядочения информации - «кладовщик» знания той или иной культуры. Поэтому философско-феноменологический анализ форм бытия так или иначе опирается на анализ языка, тем более, когда мы говорим о таком сложном явлении, как «страх», перманентном состоянии, присущем человечеству.

В русском языке слово «страх» является собирательно общим. Оно подчинило себе разбросанность частных, порой амбивалентных ощущений - боязни, ужаса, испуга, опасения, тревоги, собственно страха, страха Божия и др. Исторически за каждым словом закреплен свой специальный оттенок смысла. Все виды страха, невзирая на имеющиеся различия, имеют нечто общее: некоторое абсолютно нейтральное начало, не имеющее никакого отношения ни к нравственному, ни к духовному строю жизни, соответственно не оцениваемое в рамках этических или религиозных координат. Это начало есть психологический тип переживаний, в котором содержится только одно – ощущение катастрофической перемены, возникающее в ситуации внезапной перемены обстоятельств, которое сильно действует на душу или речь идет о постоянном ожидании этой перемены – по сути это одно и то же. Переживание приобретает нравственный и духовный характер в зависимости от следующих факторов: от объекта, на

который направлено это внутреннее переживание страха; от содержания этого переживания; от самого акта страха, то есть от его степени, от готовности в душе немедленно отреагировать каким-нибудь образом. Все меняется в зависимости от того, о чем идет речь, и по содержанию, и по объекту; страх подлежит этической оценке.

В древнерусских текстах страх трактуется этически, и ключом к пониманию этих смысловых нюансов является патристическая литература. «Древнерусский человек, - справедливо отмечает А.М. Панченко, - жил и мыслил в рамках религиозного сознания. Он «окормлялся» верой как насущным хлебом» [6, 15]. Древнерусская литература, возникшая одновременно с принятием христианства, вместе с восточно-европейской культурой впитала в себя церковно-религиозное восприятие мира. Патристика занимала в древнерусской переводной письменности видное место. По этой причине патристическое учение о страхе позволяет объяснить семантический диапазон «страха» в древнерусских текстах. Мы остановимся на двух разновидностях страха, понимание сути которых современным человеком наиболее удалено от традиционных трактовок.

В древнерусской литературе говорится о существовании двух основных, амбивалентных по содержанию и происхождению, форм страха: страха-боязни, имеющего отрицательное по преимуществу воздействие на человеческую душу, парализующего активность, в том числе нравственную, и страха Божия, соотносимого с понятием «благочестия».

«Поучение Владимира Мономаха» в переводе Д.С. Лихачева начинается словами: «Прежде всего, ... страх имейте Божий в сердце своем...» [3, 146]. Почему во главу угла, в основание жизни человека должен быть положен страх Божий? В системе христианских этических ценностей страх Божий определяется как добродетель. Страх Божий – это страх, присущий человеческому духу, это не страх Бога в психологическом контексте, не «теофобия». Страх Божий есть благоговейный трепет перед величием Бога, основанный на вере в истину Его бытия. Это не парализующий страх, но творческая сила, позволяющая человеку обрести власть над низшими устремлениями. Центральной функцией страха Божия патристические тексты называют удерживание от зла и возрастание в добре. На высших ступенях духовного роста этот страх словно растворяется в любви к Богу. Поэтому его называют «сыновним» страхом. Страх Божий с древних времен считается основанием истинного знания. В знаменитых словах царя Соломона «начало премудрости – страх Господень» (Притч.1,7) открывается опыт, характерный лишь для религиозного сознания. Св. Писание и патристические творения постоянно говорят о тех совершенно особых по своей силе и по своему характеру состояниях радости, блаженства или, выражаясь обыденным человеческим языком, счастья, несравнимых ни с какими обычными переживаниями, которые постепенно открываются у христианина, ведущего правильную духовную жизнь, проводящего жизнь в страхе Божиим. Чаще всего эти состояния передаются словами «любовь» и «радость». «Страх Господень – слава и честь, и веселие и венец радости. Страх Господень – дар от Господа и поставляет на стезях любви» (Сир.1:11,13), - свидетельствует библейский текст. Страх Божий заключается только в страхе огорчить

бесконечно дорогого Бога. Страх Божий воспринимается как фундамент благочестия, возводящий к ведению божественных тайн и человеческих вещей – знанию сущего, к премудрости.

Страху Божию по смыслу противостоит понятие страха как «страхования», «боязни». Один из известных представителей патристики прп. Иоанн Дамаскин пишет, что боязнь естественная состоит в том, что душа не хочет разлучаться с телом по естественному сочувствию и сродству, какие Творец вложил в человеческую душу с самого начала, по этой причине душа естественно страшится, мучится и отвращается от смерти [4, 261-262]. Потому сущность такой боязни преподобный усматривает в усилении защищать свое бытие. Причины страхований сугубо внутренние, связаны с духовно-нравственным обликом личности. Отцы Церкви первых веков последовательно проводят мысль, что люди, не исповедующие Православной веры и не соблюдающие божественный закон, страдают от собственного неверия. Христианам на начальной ступени духовно-нравственного развития свойственна малодушная боязливость. В устной народной традиции эти смыслы закрепились во многих пословицах и поговорках, например: «со страху, со страстей поджилки дрожат, ноги подкосились», «страх на тараканьих ножках бродит», «У страха глаза велики, да ничего не видят» [2, 336]. Человек не обладает достаточной крепостью и мужеством, чтобы противостоять «бесовскому страху». Это есть следствие маловерия или отсутствия веры во всемогущество Творца, Его Промысел и следствие гордыни, тщеславия.

Таким образом, страх в древнерусской литературе, укорененной в патристике, трактуется двояким образом: как добродетель страха Божия и как страх-боязнь (или страхование), в своей неестественной форме воспринимаемый как греховная страсть. Страхование, как страсть разумного существа и недостаток мужественной решимости, имеет в своей основе боязнь или испуг, а страх Божий - любовь.

В современной науке и обыденном сознании, что нашло отражение в лексикографической традиции XX – XXI вв., по выражению петербургского В.В. Колесова, понятие «страх» как бы снимается с христианского символа [5, 138] и трактуется преимущественно как отрицательное явление в человеческой жизни. Понятие «страха Божьего» как самостоятельного понятия или полностью отсутствует, или приводится в качестве архаичного фразеологизма. Поэтому одна из насущнейших задач сегодня – ввести в круг чтения и понимания современного читателя памятники искусства слова Древней Руси, поскольку древнерусские тексты позволяют «расслышать эхо прежних смыслов», утверждающих жизнь.

ЛИТЕРАТУРА

[1] Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. М., 1984.

[2] Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 тт./ Репринт.изд. Т.4. М., 2006.

[3] Изборник : Сборник произведений литературы Древней Руси. М., 1969.

[4] *Иоанн Дамаскин, святой*. Точное изложение православной веры. М., 1998.

[5] *Колесов В.В.* Язык и ментальность. СПб., 2004.

[6] *Панченко А.М.* Боярыня Морозова — символ и личность // Повесть о боярыне Морозовой. М., 1991.

© Пустовойт Ю.В., 2017.

Статья поступила в редакцию 10.08..2017.

Пустовойт Юлия Владимировна,

кандидат философских наук,

Российский научно-исследовательский институт

культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачёва (Москва).

Pustovoyt Yul.

The Semantic Range of Fear in the Old Russian Written Language: Fear of God and Phobia

Abstract. This article analyses the opposite forms of fear in the context of the Old Russian written language.

Key words: fear, fear of God, phobia, Old Russian written language, patristics

Pustovoyt Yulia Vladimirovna,

PhD in Philosophy,

Russian Scientific Research Institute for Cultural

and Natural Heritage named after D.Likhachev (Moscow).